

Роза Лингер

Интервью

Рига

Латвия

Дата интервью: июль 2005

Интервьюер: Элла Левицкая

1 кассета, 1 сторона

Сегодня 25 июля 2005 года, город Рига, Латвия. Я, Элла Левицкая, провожу интервью с Розой Лингер.

Вы говорили, что вы знаете ваших предков, несколько поколений?

Да. Значит, по линии отца. Мой дед, Каган Иосиф, примерно, 1850 года, в Белоруссии был кантонистом. То есть, отслужил в царское время 25 лет. За это он получил право жительства в Курляндской губернии. Он выбрал своим местожительством Витебскую область, то есть, уже Латвия позже, Улюкский уезд, село Боровка. Ему был выделен надел земли. Он, очевидно, в армии, научился... коваль...

Кузнец.

Кузнец. Моя бабушка, Каган Шора, не знаю, Сора?, была родом из Риги, человек довольно образованный, как мы узнали из архивных документов, мой дед и она знали и родной язык, и государственный язык. А бабушка еще знала немецкий и французский. Она преподавала в этой сельской школе. В 1928 году бабушка умерла, а дедушка вскоре переехал в город Лиепая, Либава, Латвия и жил у своей дочери, моей тети до 1942 года, когда был расстрелян. Как мне рассказывали, он сидел на пороге, талес и твилн и ждал, пока его заберут.

Сколько детей было у бабушки и дедушки?

Только двое. Значит, мой папа Рувим, 1890 года рождения и тетя Зина, 1899 года рождения.

А еврейское имя тети вы не знаете?

Зелда.

Семья была религиозной?

Безусловно, религиозная, кошерная. Не ортодоксальная, но соблюдалось все, что в еврейской семье положено: женщины шли в микву, а мужчины то, что им Бог даст. Молились три раза в день, как положено. Мужчины, во всяком случае.

Праздники?

Безусловно! Кошерный, чистый, кошерный дом был там. Потому что у моих родителей тоже был чисто кошерный дом, да!

А где в то время жила семья, когда родились дети? Ваш отец и ваша мама?

Все в этом селе.

Село, вы говорите...

Довольно много евреев жило, да. Жило довольно много евреев, я не знаю, сколько, я там ни разу не была, но из рассказов родственников мне известно, что дед мой был большой филантроп. Там очень много бедных крестьян в этом районе. И у них никогда не закрывались ворота, потому что он исправлял сельскохозяйственные орудия. А платить им было нечем. Значит, весной они завозили, он исправлял им, а осенью они натуральные продукты завозили в дом дедушки и бабушки. Я это знаю из рассказов только.

Дедушка работал сам в кузнице, или...

Нет. Вот, по записи, мы в анкете нашли, там помощники его тоже записаны. Это документально, у меня где-то есть даже такая, из архива мы когда-то запросили, нам дали. Мы даже не знали этого.

Бабушка работала, будучи замужней, тоже?

Я думаю, что да, конечно, такая образованная женщина для того времени, очень набожная. Я помню, она приезжала зимой иной раз. Она всегда встанет в уголок, и наизусть умела молиться.

То есть, я так поняла, что в селе была и синагога, да?

И миква. Про микву я расскажу.

Пожалуйста.

Миква, как таковой, не было в этом селе. Но баня у бабушки стояла на берегу озера. И там, около берега, была зимой вырублена прорубь, и бабушка туда окуналась. Ну, летом же это было просто, а зимой она окуналась три раза, сколько там надо было. Это я помню, из рассказов, конечно.

А все прочее, что положено иметь в селе с еврейским населением, шойхет, хедер, - было это все?

Я думаю, что да. Потому что приезжали потом какие –то... Да, село было, я не знаю насколько, но думаю, что на 30-40% населено все-таки евреями. Это село находится около города Даугавпилс, там 20 километров. Потому что тетя Зина ходила потом в гимназию. Так она ходила пешком из села туда.

Даугавпилс, это тогда Двинск?

Двинск. Моя мама родом оттуда, из Даугавпилса.

А ваш отец в детстве получил какое-то еврейское образование?

Безусловно, конечно. Он даже учился в иешиву. и бабушка ездила...

А где?

Я не знаю, в Литве где-то. Он был единственный сын, так бабушка ездила к этим хозяйкам, ведь они ели каждый у другой хозяйки каждый день, как в иешиве (нрб), да? Вот, бабушка ездила и возила этим хозяйкам кушать, чтобы они подкормили ее сыночка. Это все из рассказов.

Конечно. А светское образование ваш отец получил какое-нибудь?

Вы знаете, по-моему, нет, я не помню. Тетя – да. Он – нет. Ну, бабушка его, по-видимому, учила дома, потому что он был вполне грамотный. Он знал прекрасно русский, латышский и, конечно, идиш, безусловно. Это вкратце будет со стороны отца. Теперь моя мама. Моя мама, Каган Эстер, 1892 года рождения, город Даугавпилс, Двинск. Моя мама родилась в многодетной семье, их было 8 детей. Нормально для еврейской семьи тогда. Мой дед, Авром Флейшман занимался... У них была торговля кошерным мясом, магазин свой был, дом, или даже несколько. Из зажиточной семьи он был. А моя бабушка, Малка, урожденная Ульман, была из бедной семьи. В 19-20 лет они повстречались, полюбили друг друга и поженились. Тогда это был неравный брак, потому что дедушка был из зажиточной семьи, а бабушка – из пролетарской. Значит, моя мама была третьим ребенком, третьим ребенком в этой семье. По рассказам мамы, держали учителя на дому, и он приходил, учил грамоте более-менее, счету, домашний учитель был, потому что дети были, один за одним.

Это только для девочек, или для всех детей?

Вот этого я не знаю. Ну, домашний учитель, наверно, и мальчики, и девочки. Это, очевидно, для первых восьми детей, потому что младшие тети и дяди уже получили образование в гимназиях, ну, в учреждениях.

А вы помните имена маминых братьев и сестер?

Конечно, конечно! Тут есть некоторые. Я вам покажу. Значит, так. Старший был дядя Нохум, дядя Гершен, дядя Нехемье и дядя Гиршл.

А мама, между дядей Нехемье и Гершен, да?

Мама третья, да. А тети были: Мушл, мы ее звали тетя Муся, моя любимая тетя, потом мама Эстер, потом тетя Хана и тетя Мина. К сожалению, она умерла (нрб).

А как они или? Нохум был самый старший?

Да. А потом Мушл.

Потом мама?

Потом мама, потом Гершен, потом, тетя Хана, наверно, тетя Мина и дядя Гиршл, он был младший, я помню. Да? Сходится?

Еще Нехемье.

Да, да! Значит, после тети Ханы дядя Нехемье. Тут есть у меня на фотографии даже.

... б и Герш был восьмой...

Да.

Если вы знаете немножечко, об укладе семьи: была ли религиозной, где жили...

Все члены семьи держались иудаизма, были набожны, то есть в субботу ходили в синагогу обязательно, в течение недели все были заняты своим бизнесом, но всегда заходили где-нибудь помолиться. Утром дома молились, а вот среднее и вечером, майрет, минха, куда-нибудь, были же ближе такие знакомые, не обязательно же им к своим идти. Мой отец тоже так, и дяди так, придерживались.

Они жили в собственном доме?

Нет. Уже в Лиепеае все жили. Только у тети Муси был свой дом. Остальные снимали квартиры 4-5 комнатные.

А в Двинске?

Там был у дяди дом. Конечно, в своем доме жили.

А как они попали в Лиепеаю?

Сейчас я вами скажу. В 1919 году большевики заняли город Даугавпилс. Поскольку мой дед Арон был состоятельным человеком, ему встречаться с большевиками не очень хотелось. По рассказам мамы, они выстроили такую телегу с двойным дном. А там насыпали царские золотые деньги. А наверху положили подушки, одеяла, и всей семьей, дедушка бабушка, кроме тети Муси, через Литву приехали в Лиепеаю. Где ранее проживали два племянника моего деда, тоже Флейшманы. Лиепеая понравилась. Ну, им было по 25-26 лет тогда, понравился очень город на берегу моря, и они решили, что они переедут из Даугавпилса в Лиепеаю. После того, как большевики оставили Латгалию на границе, дед, наверно, с детьми, все, потому что в то время поженились мои родители, и поехали в Даугавпилс. Дед ликвидировал все свои дела, продал свои дома и переехал в Лиепеаю. В 1919 году поженились моя мама с отцом. Дядя Нохум, его жену звали Этл, вот, это было после тети Муси, по-моему, тетя Хана тоже, но я хорошо не помню, честно вам скажу, из рассказов, но мои родители и дядя Нохум, свадьба была через день их. И каждый, после переезда всей семьи в Лиепеаю, каждый жил своей семьей. Пошли дети, и так далее...

А как тогда знакомились? Как браки совершались? Это сватовство было?

Нет. Сколько помню из рассказов, по сватовству в 19.., наверно, десятом году, моя старшая тетя Муся вышла замуж по сватовству. Это был богатый такой, такая партия, но несчастливая. И мой дед сказал тогда, что больше он не будет вмешиваться в выбор своих детей. И все остальные семеро вышли по любви, по симпатиям, все, да. И все жили в одном браке, и не было разводов в нашей семье, и ничего в семье моей мамы. Дед, наверно, был тоже неглупый. Только тетя Муся...

А родители вам не рассказывали, где они встретились, как познакомились?

Они познакомились в Даугавпилсе, поскольку Боровка от Даугавпилса была недалеко. Как они познакомились, – не знаю. Но то, что они познакомились до 1911 года, когда мой отец был призван в царскую армию, до 1911 года, это точно. И мама его, очевидно, ждала, пока он вернулся.

А ваш отец, его тогда отозвали из ешивы?

Он в ешиве учился очень недолго. Ну, один сын у состоятельных родителей... Очень недолго, это я знаю. Он не стал ни раввином, ни по религиозной части, нет. Что он делал до

призыва, до 1911 года, я не знаю, но уже, живя в Лиепаяе, он был предпринимателем, так можно сказать. Он имел торговые дела с Германией, с Англией, насколько я помню.

И сколько ваш отец был на фронте, на войне?

Моего отца, вследствие сложившихся обстоятельств, в первый день Второй мировой войны...

Нет, простите, Первой...

Я же не знаю, отец служил еще тогда в армии царской, а мама жила в Даугавпилсе со своей семьей.

Так призывали отца еще из Боровки, он вернулся?

Да, из Боровки. Он вернулся в 1911 году. Ему был 21 год. Служил он в далекой Сибири, в Иркутске да. И он рассказывал, что он приезжал, он хорошо служил там, дисциплинированный был, ему дали отпуск. И он ездил из Иркутской области в Даугавпилс за три недели на поезде. И дома он побыл, поехал обратно. Потом Первая мировая война. Он был на фронте под Варшавой. А потом его часть стояла под Ригой. Из рассказов это помню.

На семье родителей вашего отца эта вся революционная обстановка, большевики, как-то повредили?

Я не знаю. Дед же был ремесленник.

Но все-таки имел свою кузницу?

Наверно, нет. Я не помню, чтобы это было. И потом, там же граница стала, или фронт, как-то не помню таких рассказов, чтобы его при большевиках, или тех преследовали. А дед Авром, он был богатый, он, конечно, понял, что ему с большевиками не по дороге.

У родителей была традиционная свадьба, еврейская?

Ну, наверное. В мое время было по-другому, а в их время – обязательно. Мама ходила и в микву, когда положено было, потому что у нее был свой бизнес: она торговала кошерным мясом. У отца был свой бизнес: он занимался чем-то другим, в начале 20-х с Германией торговал, потом с Англией, я помню, ну, вот так... Принадлежали мы к среднему классу: не богатые и не бедные были.

Госпожа Роза, если вас не затруднит, расскажите, пожалуйста, о семьях ваших дядей и теть.

Сейчас. Это будет очень короткий рассказ. Сейчас я вам скажу. Тетя Муся... Кроме моей мамы... Так, тетя Мина умерла в 1940 году. У нее был рак.

Она была замужем?

Да. У нее было двое детей.

Если можно, фамилии в замужестве ваших тетушек, кого помните. Имена детей...

Тети Муси фамилия была Князева. У нее было двое детей, Исаак и Таня, которых расстреляли немцы. Уже взрослые были. Старше меня они были. Потом, дядя Нохум...

Чем она занималась, домашним хозяйством?

Нет, у нее было тоже свое дело. Мясом она тоже торговала.

То есть, дедушкины...

Да, да! В общем, все дяди занимались, и моя мама, и тетя Муся. Только две тети были домашними хозяйками. Остальные все были бизнесмены. Ох, мама моя замечательная была...

Тетя Мушл, дядя Нохум, вы говорили, он женился...

Он жил, начиная с 1930 года, он из Лиепаяя переехал в Ригу и имел здесь кошерный колбасный магазин. У него было четверо детей, из которых трое погибли во время войны, а один, наверно, и теперь еще живой, живет в Антверпене, это мой двоюродный брат.

А дядя Нохум?

Он погиб, был сожжен немцами в Гоголевской синагоге, здесь, в Риге есть Гоголевская синагога. По рассказам я знаю. Поймали на улице, заперли и подожгли. Он фактически погиб самый первый из всех.

Про тетушку вы рассказали, про маму, а дядя Гершен?

Дядя Гершен и его сын Шолом были расстреляны в Лиенае в 1941 или 42 году. Один его сын, Авром, пережил здесь Холокост, он, между прочим, до сих пор жив, ему 80 лет, я старше его, но у него плохо с головой. Имеем телефонную связь. Я в прошлом году ездила к нему, а в этом году, к сожалению... Вот. Это дядя Нохума?

А как жену звали, не помните? И чем занимался дядя?

Я вам сказала, колбасным бизнесом.

Гершен, то есть?

Гершен тоже мясом. Они все занимались, кошерным, только кошерным.

А имя жены вы не помните?

Мина ее звали, тетя Мина. Красивая женщина была.

В семье все у вас женились и выходили замуж за евреев? Обязательно было, да?

По-другому в то время невысказано было для нашей семьи.

Дальше Хана, тетя Хана.

Тетя Хана была тоже замужем. У нее трое детей, два мальчика и одна девочка. Тетя Хана тоже погибла в Холокост и вся ее семья. Дядя, дети погибли в Холокост, очень много народа. Вообще, мамина вся семья. Четверо нас осталось только и Изя пятый. А, и (нрб) шестой.

Фамилию замужем вашей тетушки вы помните?

Тетя Хана была Кацизна. Есть писатель, поэт, на идиш, я между прочим, хорошо читаю идиш и получаю американский «Форвертс» каждую неделю. Я им иной раз что-то пишу. И они мне за это бесплатно газету, люблю ее, без нее жить не могу.

Тетя Хана была домашняя хозяйка?

Она домашняя хозяйка. А Мина тоже была домашняя хозяйка. Во всяком случае, так у них складывалась семейная жизнь.

А чем муж ее занимался?

Я уже забыла.

Теперь, кто следующий, дядя Нехемье?

Мясом, тоже мясом, кошерным. Он, его жена и Абрашенька, мальчик тоже были расстреляны в городе Лиенае в 1941 году, в декабре.

Теперь остался дядя Гири.

Он тоже мясом торговал, и тоже он погиб в Холокост в Лиенае.

Семья была?

Жена была, тетя Дора.

Они все были религиозные?

Все одинаковые. Один, может, чуть больше, другой... Но соблюдалось все.

А ваша тетушка по отцу, тетя Зина?

Она вышла замуж в 1924 году, я помню, мне было 3 года, за дядю Макса, он был из Литвы. Он имел какой-то небольшой магазинчик. У него было двое детей, Абрам и Кармела, так ее теперь зовут. Кармела, моя двоюродная сестра, живет теперь в Израиле. А Абраша тоже жил в Израиле. Они, между прочим, тоже пережили Холокост, спаслись. Тетя Зина и ее двое детей прошли через Аушвиц. В 1948 году они уехали в Израиль. Когда тетя умерла, я не знаю, в 1966 году, по-моему. А Абраша умер несколько лет тому назад. А Кармела живет до сих пор около Бер-Шевы.

Какая фамилия тете в замужестве?

Бруцкус. Это литовская фамилия. Дядя был где-то из Литвы.

А теперь о вашей семье непосредственно. Ваши родители поженились, и каждый занялся... Своим делом.

Где поселились ваши родители?

Мои родители после женитьбы в 1919 году поселились в городе Лиенае и начали свою самостоятельную жизнь. Отец, как теперь можно сказать, бизнесом. А когда, я не знаю, мне

было 3 года, 4, мама свое, мясом тоже. Отец у меня был очень красивый: высокий, стройный, с большим интеллектом, добрый, уважаемый... Из своего круга, от тех, кто таким бизнесом, как он, занимался, был представителем в городской Думе для определения их оборота. Это было не официально, это была общественная нагрузка такая, по определению налогов: сколько кому можно установить налоги. Он, поскольку был очень совестливый, на богатых накладывал больше, а на бедных меньше. Я помню это из разговоров дома. А мама занялась своим бизнесом. У нас постоянно была домработница дома. В 6 лет меня отдали в школу.

Когда вы родились?

Я родилась в 1921 году 29 июня, мне 84 года уже исполнилось, первым ребенком. Нас было 3 девочки.

У вас еврейское имя есть?

Рохл-Лее, такое родное имя у меня.

После вас?

После меня сестра Хинда, погибла в Холокост в 1941 году.

А родилась, когда?

В 1924 году.

А младшая?

Младшая, Сара, которая живет сейчас в Израиле со своей семьей, она 1930 года рождения.

Вы говорили, ваши родители арендовали квартиру?

Да. Квартиры были со всеми удобствами по тому времени, 4-5 комнатные. У нас было пианино в доме. Приходила учительница нас учить. Учились мы в частных еврейских школах с немецким языком преподавания.

Простите, а в чем заключалось еврейство этих школ?

В субботу, в праздники мы не учились. Предметы преподавали на немецком, но преподавали иврит, таках, ну, наверно, это чисто еврейское такое, плюс общеобразовательные предметы, конечно.

Это смешанная школа была?

Да, смешанная была. Она не была религиозной.

А на каком языке у вас дома разговаривали? Какой вы считаете своим родным?

Когда я была маленькая, как будто, начали на русском. Но, поскольку Лиепая была онемеченной, так лет с 3-х меня отправили в частный детский сад, чтобы я научилась и немецкому. Так что русский у меня первый язык. А потом, родители между собой говорили на идиш, так что идиш стал тоже, не знаю даже... Мой отец знал и польский потому что Боровка на границе с Польшей. Очень красивый голос у него был. Я забыла вам сказать, что в синагоге, в хасидской синагоге, где он молился, он был хазн, но он не был штатный, так, знаете? Красивая была синагога. После большевиков приехали из Даугавпилса богатые евреи, и построили хасидскую синагогу. Потому что лиепайские евреи тянулись ближе к Литве, а эти были из Даугавпилса, из Витебской губернии, они больше хасидские были.

Расскажите немного о Лиепеае времен вашего детства, как город вам запомнился?

В Лиепеае при населении 100 тысяч жили примерно 10 тысяч евреев. Они вели еврейский образ жизни, но не набожные были. Были у нас большие синагоги, четыре, потому что литовская была отдельно, знаете, как? А маленькие были еще какие-то синагоги, потому что папа в это время забегал в одну из них недалеко от дома помолиться.

Какие дома были, сколько этажей...

Дома? Ну, город был небольшой, портовый город. Были сообщения, насколько я знаю, и с Лондоном, и даже с Нью-Йорком. Помню, что уезжала мамина двоюродная сестра в Америку, мы ходили провожать, и сказали, что пароход доедет до Америки. Так, или нет – не знаю. Ну, я была маленькая, 1929 год, 1930, не помню точно. Сам по себе город не очень, коренное население вообще очень либеральное было, а приезжие из бывшей Витебской губернии, они больше придерживались, имели свою синагогу, раввин у нас был один,

городской, красивый. Он был из Польши где-то. И дом еврейской общины, он стоит еще и теперь. Мы жили как раз напротив его. Это было в довольно хорошем районе.

А вообще, какие дома были, в основном: одноэтажные, двухэтажные?

Ну, может, на окраинах были одноэтажные. Двух-, трех- и даже 4-х - 5-ти этажные дома. Каменные, в основном. Ну, может, на окраинах были... Ну, я так мало общалась с этими окраинами, так что там, наверно, были одно- и двухэтажные, я думаю, да, деревянные, с минимальными удобствами. А в городе – благоустроенные, хорошие для того времени. Подождите, сейчас посмотрим про город. Потом рассмотрим. Это компьютерный снимок, вы видите.

Да.

Прислал мой соученик, который меня выискал, есть такая книжка «Лиеповчане». И он, по моей девичьей фамилии разыскал меня. Он в Кейптауне жил, он главный архитектор Кейптауна был. И вот, до нашего повторного знакомства он был со своей женой в Лиепаве, у него тур был, и, видите, что написал: «Шолем-Алейхем скул, Либа». Либа – это Лиепая. А это наш класс. Это было в 1930 году. Вот, он, Илья Турок, а вот я.

Вы первая справа в предпоследнем ряду?

Да?

Это, наверно, первый класс?

Нет, второй класс. Он туда уезжал, у него отец в Южной Африке жил. И он туда с матерью и три мальчика их было... Вот, он меня таким образом разыскал. Мы одно время переписывались, а теперь... Это наша учительница. Некоторые фамилии я еще помню. А живы тут, вот эта одна, насколько мне известно. Ну, может, и другие, но... Большинство погибло в Холокост. Этот умер в Израиле, эти, наверно, погибли в Холокост, а эта девочка – известная скрипачка была, здесь, в Латвии, Сара Рашн. Если это вам интересно, я все это отдам вам, и все остальное отдам. Что вас еще интересует?

Не было такого понятия, как «еврейская улица», «еврейский дом»?

Нет, нет. Мейшескойне было, была миква, для пожилых людей, в Риге нам не хватает, с нашей Ханой надо поговорить. Я бы первая пошла, потом у что я живу здесь одна, и я бы, конечно, пошла в такой пансионат, или... Ну, у нас в Риге, видите, нету. Я не знаю, Хана лучше знает, сколько нас таких старых, за 80. Ну, как есть...

Я имею в виду, когда строили дома, на улице дома стояли, не было такого понятия, в планировке только для евреев?

Нет! И в одном доме могли жить. У нас, например, последняя хозяйка была немка. Мы всего, помню, 2 квартиры сменили. До того хозяйкой у нас была еврейка, Левитан. Ну, мама хотела, чтоб больше солнца было, так переехали в другую квартиру. Это было без проблем.

Община была еврейская?

Да, обязательно. Во главе общины был раввин Гараф Полонски, я говорила. Может быть, были еще какие-то раввины, но я девчонка, я этим не интересовалась. Но я помню, что когда бин тойре, разбор среди евреев, тогда Гараф Полонски приглашал моего папу тоже, как нейтральную персону, значит. Значит, находил его достаточно нейтральным, чтобы в таких делах разбираться.

1 кассета, 2 сторона

Голоса удивительные у вас, в хоре. Я слышала, как вы поете.

Ну, мы давно уже все спелись. Ну, у нас несколько солистов есть. Теперь мужчина недавно, бывший актер, голос такой... Ну, он не все еще знает, но ничего так... У нас дирижер совершенно, ну, как вам сказать? Он инженер, не имеет музыкального образования, но он дисциплину держит на высшем уровне. Иначе этим женщинам всегда есть, о чем говорить друг с другом. Маленькая Элла всегда с Идой, о чем они не могут наговориться, - не знаю.

Но, кроме дисциплины, он так уверенно дирижировал!

Давно уже. Лет 10, я думаю. У нас Рива была сначала. Та, конечно... У него хороший слух, и что-то в музыке он знает. У него музыкантша внучка в Москве. Ну, от природы, наверно человека. Он сам учился, и нас учит. Потому что идиш он знал очень... На идиш он еще и теперь не может говорить. Я его немножко научила. Он читает газету. Получаю, ему даю, еще Эллочкиному мужу даю, в синагогу иной раз отнесу. Ну, что я почитала, пусть другие читают. Это же не каждый день получают такую газету. И не каждый умеет ее читать, скажем.

Еврейских погромов не было, как я понимаю?

До войны? Нет. Мы не чувствовали. Мы жили, можно сказать, наверно, лучше, чем сейчас, даже не знаю. Я была молодая, я еще училась. Перед самой войной только гимназию кончила, в 1939 году.

Вы в гимназию перешли после этой еврейской школы немецкой?

Да. В 1933 году был объявлен всемирный бойкот всего немецкого. Во всех областях: в торговле, во всем. И как я понимаю, было, наверно, собрание еврейской общественности детей, которые учились. У нас было две такие школы. И решили упразднить. Все. И были у нас государственные, идиш, вот, Шолом-Алейхем, и была на иврите государственная школа, и была одна гимназия. Из двух гимназия была одна, с латышским языком преподавания. Вот, там надо было в течение 2-х лет перейти. Перешли, закончили, все нормально. Без этого шума, который тут на этой почве.

А вы перешли вот в эту гимназию Шолом-Алейхема?

Нет. Тогда была государственная еврейская гимназия, Лиепайская государственная еврейская гимназия. После этого можно было и в университет любой. Но я, к сожалению, не успела, был 1939 год.

Я просто из-за этого подумала...

Я понимаю вас. Но это было, это основная школа была, в которую я перешла. Один год я тут только училась. Потому что одно здание, я думала, может, вас интересует? Так я взяла с собой. Это была государственная, на идиш она была. Я думала, просто это здание... Оно и теперь еще стоит, между прочим. И вот, он приезжал с женой, он мне потом прислал эту... Потому что больше еврейских школ зданий нет, не сохранились. Вот это единственное.

Нет, я имела в виду еврейские погромы, которые были, когда...

В России?

В России, еще до революции.

Нет, никогда не слышала об этом.

А вообще, как-то вы относились к соседству Советского Союза? В общем-то, большого, агрессивного?

Так, с семьей у меня покончено?

С семьей пока да. Вы потом еще про ваших сестер будете рассказывать.

Ах, так! Моя средняя сестра погибла, Хинда, а младшая, я сказала, в Израиле живет.

Ваша средняя сестра успела выйти замуж?

Нет. Она только закончила школу. Ей было 17 лет. А младшая была маленькая, 10 лет. Она вместе с мамой, я, Сара, 10 лет, я уже была замужем, у меня был двухнедельный ребенок. Он теперь живет в Израиле. Он теперь уже дед, конечно, ему 64, он 1941 года, да. 64 было уже в июне.

Нет, я имею в виду, в годы вашей юности, вы мне еще потом расскажете о сестре, о ее семье, детях...

Нет, сестра моя не была замужем...

Сара...

Сара – нет. После войны уже...

Ну, хорошо, тогда это все отложим на после. Вы говорили, что отказались от всего немецкого после прихода фашистов к власти, да?

Да.

Ну, фашисты – тяжело и страшно, но Советский Союз, как я понимаю, тоже был опасностью? Тем более, что он был близким соседом?

Поскольку в нашей семье умели говорить и по-русски, я не помню, чтобы мы как-то особо этого опасались. Знала я, слышала, что политическая обстановка такая напряженная. Первое знакомство с армией Советского Союза у меня было в 1939 году, когда в моем родном городе Лиепая разместились первые советские войска. Они жили изолированно от города, но приезжали в город. Для нас это были удивительные люди с такими странными шапочками, поскольку мы в нашем портовом городе были привычными: приезжали французские моряки, норвежские, разные, мы думали, что это тоже какие-то гости. И лишь потом мы узнали, что они стационарно, латышское правительство им отдало определенную территорию с выходом на море, конечно. Так что 1940 год для нас в Лиепе не был какой-то неожиданностью. Потом разговоры шли. Я уже была взрослая девушка, разговоры шли. Мой отец, кроме газет на идиш читал еще русскую газету, «Сегодня», такая была, радио у нас уже было. Я лично слышала и речи Гитлера в оригинале, знаете, по радио можно было слышать в 30-е годы. Так что сам процесс входа советских войск в 1940 году прошел в Лиепе совершенно безболезненно. Я думаю, в Латвии с минимальными, единичными какими-то стычками. Так что, если рассказывают, Бог знает что, то я не была свидетелем.

А до этого вы знали о репрессиях в Советском Союзе?

Слышали. Мы просто не представляли себе размер, объем. Этого мы не представляли. Ну, слышали, потому что папа читал газету, знали, что там что-то такое, преследуют кого-то. Но так подробно, нет.

И как вы приняли установление советской власти? Я понимаю, что вы ничего не могли изменить?

Да, приняли нормально. Начались, конечно, изменения в жизни. Папа бизнес должен был ликвидировать, мама должна была ликвидировать. Но мама еще нашла что-то такое, она чем-то занималась. А папа пошел на государственную работу. Он язык знал, специалистом был. И он получал зарплату полгода, или больше. И так жили.

У вас в семье какие-то изменения еще были?

Ну, я вышла замуж в 1940 году в июле месяце. Познакомилась я со своим будущим мужем в кино, когда он после финской войны был перебазирован в Лиепе. Он приходил в город, а мы гуляли с девочками. Я ему приглянулась. Он подошел, мы поговорили. Красивый такой был, интересный мужчина. Ну, он был меня старше на 8 лет.

Он был выходцем из СССР?

Да, он из Днепропетровска.

Как звали вашего мужа?

Наум, Нохум.

Лингер?

Лингер, да.

На 8 лет... Это получается, 1913 года, да?

1913 года. Или 14-го, я уже не помню. По-моему, 1914 года. 1914, да. Значит, 7 лет только. Он уже умер больше 20 лет тому назад.

Что-то о семье вашего мужа вы знаете? Кем были его родители, были ли у него братья и сестры?

У него был один брат, я помню, он умер в послевоенное время. Остался у него мальчик. В первые годы он приезжал, а последние лет 20 я о нем не слышала ничего. Он тоже 1942 года рождения был. Как его звали, Володя, что ли? Он приезжал к нам, когда умер брат, он приезжал несколько раз. Он был почти ровесником моему сыну. Мой был 1941 года, он был

1942 года, так что... Приезжать так сюда – он не приезжал. Он жил в Днепропетровске. И последние годы, я не знаю, вообще...

А ваши родители не были против вашего брака?

Были. Отец мне сказал: «Ты же не знаешь, может, он женатый?». Но, вы знаете, в молодости любовь, наверное, перебороли все это. Оказалось, что когда-то в молодости, он был в разводе уже с той женой. Так что нашей жизни они не мешали. Я стала очень самостоятельной, выйдя замуж в 19 лет, и хотела показать, что я могу, что я... И вот так я уже по всей своей жизни прошла независимо.

У вас, конечно, уже не могло быть традиционной свадьбы, да?

Нет, не было. Мы расписывались, фамилия, все, а свадьбы нет, конечно.

А для ваших родителей это было...

Это было, конечно, очень больно им. Но мудрость моих родителей позволила примириться с этим, и чтобы я приходила к ним. И ко мне они пришли 1 мая 1941 года. Я уже была беременна. Я купила специальную посуду для них, новую, чтобы кошерная была. А пили они у меня только чай, конечно. И, наверно, печеное что-нибудь, я не помню. А приняли меня после родов мама, отец. И из их дома мы 22 июня 1941 года по настоянию моего мужа уехали из Лиенапа. И вот, моя мама, я, сестренка Сара и мой маленький сын.

С двухнедельным сыном в такое странствие?

Мы не думали, мы понятия даже не имели, куда мы едем, как мы едем?

После замужества для вас уже, конечно, не могло быть привычного, традиционного уклада жизни?

Нет. Минимально я придерживалась. Я до сих пор не кушаю молочное с мясным. И никогда не кушала. Но кошерного у меня уже не было.

Кошерное, праздники?

Мы ходили тогда к родителям. Кошерного мяса уже нельзя было достать. Мама где-то получала, а я не вела отдельное. Это было трудно.

Нет, я имею в виду, что ваш супруг, наверно, был членом партии?

Да, он был членом партии. Он не возражал вообще, нет. Мы на праздники ходили к родителям. Ну, он как-то... 22 июня должна была быть брит-мила сына. Ему было 2 недели. Потому что раньше не было возможности. Но поскольку эти события... К сожалению, это осталось незавершенным, конечно.

С приходом советской власти она сразу начала борьбу с религией?

Закрылись еврейские школы. То есть, основополагающие еврейские школы, ивритские, они были городские, они так и остались. Но частные все эти, конечно, все закрылись.

А синагоги? Молеальные дома? Оставались какое-то время?

Честно говоря, не помню.

То есть, это уже было помимо вашей жизни?

Да. Я уже не помню. Что-то, наверно, было еще, я так думаю. Не сразу. Трудно мне сказать.

А депортация, которая была перед войной?

Депортация была в 1941 году 14 июня. Что касается евреев, это хотите знать?

И евреев, и вообще.

Ну, в основном, я помню, говорили, это высылали состоятельных, «буржуев», политических деятелей, конечно. Среди них и евреев. Если бы Бог был милостив к нашему народу, выслали бы больше евреев. И, несмотря на тяжелые условия в Сибири, их выжило бы больше, нежели тех евреев, которые остались. Это однозначно. Потомки приехали. Семья в 72 человека со всеми двоюродными братьями, так вот, что осталось, 6 человек. Вот, это депортация. Ну, она касается всех народов, только отдельных слоев.

Да, там не по национальности, а по социальному положению.

Да, по социальному положению. Ну, тяжело им было в Сибири, конечно. Жили ведь, никто их насильственно не убивал, как немцы.

Никого из вашей семьи это не коснулось?

Нет, не коснулось. Подруга моя, знакомые. Но нас не коснулось. Мы были только средний класс, знаете, такой, не бедный, и не, Бог знает, какие богатые.

Когда вы вышли замуж, вы уже жили отдельно от родителей?

Отдельно, сразу.

Вы сняли квартиру?

Да, отдельная квартира трехкомнатная, успели обставить все полностью. Мне хотелось показать, что я такая самостоятельная. И с тех пор началась моя самостоятельная жизнь.

Ваш муж продолжал служить в армии?

Да. Он оставался.

Как вы узнали о начале войны? Ваш муж был кадровым военным?

Кадровым. Он фактически был призван на финскую войну, и был он тогда старшим лейтенантом.

Это уже с образованием военным?

Да, какое-то образование, или лейтенантом, что ли, я вам не соврала, потому что кончил он капитаном только. У него не было высшего образования. Потому что он демобилизовался в 1946 году, сразу после войны. Не хотел он быть военным.

Как вы узнали о начале войны?

Речь Молотова... Нет, ночью бомбили, мы же в портовом городе были. Нам казалось, что маневры на море, мне казалось. И папа встал. Я говорю: «Папа, это маневры?» – «Да, дочка. Спи». А наутро встали, в 12 часов услышали. Мой муж позвонил, сказал, что надо сегодня же уехать, сегодня же. Как? Ну, я без мамы, куда? Вот так мы уехали.

Родители не сопротивлялись отъезду? Они же помнили немцев по Первой мировой войне?

Вы знаете, мы даже не сообразили. Мы думали, что мы поедem в Ригу, переждем бомбежки и приедем домой. Вот с такой мыслью мы ехали. Он настаивал, мой муж, конечно. Он настаивал, посадил нас. Но эти трудности, такие мелочи... И нас увезли в Россию. Мы сами не знали, куда.

Вы ехали еще в обычных вагонах?

Мы до Риги ехали в пассажирских, а здесь мы вышли и пожили в Риге еще 4 дня. А потом началась эта тревога отсюда. И тогда мы уже поехали на открытой машине, так случайно, все случай! На все воля Божья! Я верю в судьбу, да. И что Он вершит нашими судьбами.

Как вам кажется, мы можем изменить свою судьбу?

Трудно сказать. Поскольку, я в сути своей человек верующий, верую в нашего Бога, в нашу Тору, в нашу основу, история это доказывает, что все, что мы думаем, что мы сам делаем, что это все-таки предрешено. Это мое личное мнение. Кажется, что сам... Нет! Я так считаю. Может, другие думают, что они могут.

Одни говорят, что если измениться самому, изменится и судьба.

Ну, а самому тоже очень трудно измениться, но можно, да, частично. Я живу уже больше 10 лет одна. Иной раз бывает так, грустно. Я преодолеваю, я думаю, что это воля Всевышнего. Принимаю, как есть. Говорю еще «(нрб)» утром и вечером, да. В пятницу вечером зажигаю свечи. Раньше я чаще ходила в синагогу. Теперь мое здоровье не позволяет, потому что довольно далеко. В праздники я еще не еду, конечно, а иду пешком. Потому что я все молитвы знаю, в основном. И знаю их по мелодиям. Потому что мой папа дома репетировал, и вот это у меня еще на слуху, можно сказать. Так что я прихожу: «Роза, где хазн?». Посмотришь, покажешь, если знаешь в сидуре. В моем сидуре я все знаю.

Спасибо. Вернемся к эвакуации. Вы выехали из Риги, вы говорили, на открытой автомашине. Это просто грузовик был?

Это был просто грузовик. Это воля Божья! Случайно подъехала машина, и с нами был друг моего мужа. Они созвонились, и мой муж ему сказал, что позаботиться о моей семье. И он пришел домой во время бомбежки, подъехала машина, и он носил нас: «Эту семью надо

вывезти». Я не помню, я первая, потом ребенка, потом сестру, а потом маму. И так мы ехали, как стояли. Только 2 чемоданчика было. Один чемоданчик с пеленками, это я держала, а другой, я не знаю, что там было. Сестра говорит, что рис там был, и мыло там было, и что-то такое... А остальные вещи, которые мы из Лиепайи еще привезли, все осталось там.

А продукты у вас были? Вы кормили тогда ребенка?

Грудью. После Риги у нас первая остановка была Псков, а потом Старая Русса. Мы там в еврейской семье переночевали и бомбили Старую Руссу. Тогда мама сказала: «Здесь для нас также не место». Мы пошли на вокзал. Подали эшелон, товарные вагоны. И мы просто сели и поехали.

Не зная куда?

Абсолютно. Пока нас не привезли за Москву, в Ярославскую область. И там дали сотни подвод, чтобы развезти по деревням, по колхозам. Когда мы стояли в Лиепайе на вокзале, папа нас провожал, он мне сказал, не знаю почему, это у меня на всю жизнь, он сказал: «Дочка, далеко не уезжай от железной дороги». Что он хотел сказать этим, я не поняла. Он на той войне был, он, наверно, что-то уже знал. Вы знаете, это мне было как завещание. Этим я руководствовалась всю свою жизнь. Поэтому я не уехала в глубокий тыл российский, за 150-200 километров, а дождалась, пока приехала женщина, сказала, что ее деревня за 8-10 километров. «О, я думаю, я это могу пройти пешком». Это было наше счастье. Потому, что мы были голые, босые, в чем стояли, а там была суровая зима, нам рассказывали. Я сказала: «Мама, мы должны отсюда уехать». В начале сентября собрались, что было у нас, и пустились опять в путь. Намерение было уехать в Ташкент, потому что там тепло, нам сказали. А до того я узнала, что латвийское правительство, которое здесь было, оно базируется в городе Кирове, теперь это Вятка. Я сказала: «Мама, давай заедем». И мы поехали в Киров. И там осели на всю войну. Это был континентальный город, деревянный, со здоровым климатом и с неплохими людьми. Там повезло, что в первый день мы уже получили крышу над головой, то есть нас разместили в квартиру. Ну, это нас спасло. Там хозяин был начальник милиции. Ну, когда мы познакомилась, я сказала, что знаю иностранные языки. И образовалась в 1941 году военная цензура. И он за меня расписался, у меня даже паспорта не было, но он расписался, гарантировал для меня. И так я пошла в военную цензуру работать на иностранные языки. Я уже на себя перешла?

Да. Простите, а до войны вы успели поработать?

Да, год я отработала. 1939-41 год. Я работала сначала у хозяина, а когда пришли Советы, я перешла в управление электростанции, счета выписывала за электричество, что-то такое, потому что специальности-то у меня не было никакой. Но этот год я училась. Училась банковскому делу. Высшее образование получить не было возможности, не было и речи, а вот так я...

Профессионально вы уже владели?

Ну, кое-что, кое-чем.

Я забыла спросить, как вы сына назвали?

Илья. Это было имя отца моего мужа. Он пожелал это имя. А это Элиогу, Элия. Родители были очень довольны, счастливы, что не Иван и не Петр, а вот так вот. Конечно, если бы не война, ему бы сделали брит-мила, и все, а так, к сожалению, так он и остался, евреем...

Ну, наверно, не это определяет.

Да, конечно. В Израиле живет, между прочим, но... он дед, ему брит-мила, наверно, ни к чему.

Еврейское имя было у сына?

Нет, так у него и записано: Илья.

А теперь вернемся к вашему рассказу об эвакуации, о вас. Местное население относилось к эвакуированным доброжелательно?

Да, да, сочувственно, доброжелательно, потому что они сами были очень бедными. Вот, в колхозе мы жили, они 4 года хлеба не видели. Забирало все государство. Они жили на картошке, что на огороде. А нам, эвакуированным, давали хлеб в буханках. Они увидели...

По карточкам?

Нет, еще без карточек. Сестра мне напомнила, что я ходила в центр, туда 4 километра и 4 обратно, Хана идет, смотри! Хана идет, жива еще!

Мы закончили на том, что вы стали работать в военной цензуре.

Да, в военной цензуре. Было очень много писем на идиш, было много писем на немецком, которым я в совершенстве владею. Тогда переселяли немцев Поволжья в Сибирь, в 1941 году. Меня приглашали даже туда, на эту операцию поехать, но поскольку у меня был грудной ребенок, меня отстранили. А потом шла корреспонденция, конечно, ужасающая. Ну, конечно, я не все запомнила. Но мне – запомнилось одно письмо на идиш. Это письмо было из Ленинграда, очевидно, к родным где-то в России. И там описывались такие страсти, что я пришла к выводу, что это пишет ненормальный человек. Оказывается, это была блокада Ленинграда. Сколько лет прошло, а это письмо у меня в памяти. В начале 1942 года, это, наверно, летом уже было, да, не в начале, а летом, эту военную цензуру перевели на Карельский фронт. Но, поскольку у меня был ребенок маленький, взамен этого мне предложили разведшколу на 6, по-моему, месяцев.

Учиться?

Учиться. Ну, откуда я знаю разведку, контрразведку? Это было под эгидой НКВД, вот эта военная цензура. Ну, когда мне сказали, 6 месяцев кончится, воинское звание дадим и должность большую, да, ну, а потом работать в этой системе. Здесь же, в тылу, и все такое. Мама была в ужасе, конечно.

Еще бы!

Но я сказала: «Мама, надо использовать, и учиться, учиться...». И меня направили, сутки, наверно, туда ехали, до Горького, к такой школе. Ну, нас там учили больше методам контрразведки, чем разведки. Контрразведке проучились 4 месяца, прибыл приказ: всех по фронтам! Одни женщины были, мужчин там не было. Всех по фронтам. Ну, что же делать? Некоторые женщины оставили своих детей в детдомах. Мужья были на фронте, и мы приехали учиться. Потом нас вернут, так нам обещали. А тут, без всяких возражений. Ну, вот. Вначале я знала, что под Горьким стояла латышская воинская часть. Я туда поехала. Меня с удовольствием взяли, потому что шифровальному делу тоже нас учили. В общем, я нашла. Представилась, удостоверение было. «Ой, мы с удовольствием, так нужен шифровальщица, что просто задыхаемся».

А вы могли сами устроиться?

Нет, я это на свой риск решила в разведку. И он запросил Москву. Это был тыл, это было недалеко от мамы, сутки ехать по трассе. Но я там поработала недолго, до Сталинграда, Сталинград, это был 1943, зимой. Было ужасно много пленных, много документов. Вот, тогда меня отозвали в Москву. Я там работала некоторое время, а потом в 58-ю армию, на Украину. 3-й Украинский фронт у меня был, 58-я армия. Мы на юг, на Одессу. Про Киев я просто знаю, что его освободили. Я там была проездом, наверно, когда в Одессу ехала, не знаю.

С вашего позволения, немножко подробнее (нрб).

Ну, что же, задавайте вопросы.

Ну, вот вы попали сразу в эту латвийскую часть.

Это был запасной полк, в тылу.

Вам какое-то звание дали?

Да, со временем. Вначале нет, а потом, я уже не помню, когда мне давали младшего лейтенанта, а потом лейтенанта.

Вы могли переписываться с родителями?

Да, могла переписываться. Долго шли эти письма, но это неважно.

Ваши родители оставались там же, на том же месте, да?

Мама осталась, а папа остался у немцев. Ничего не знали, всю войну ничего не знали про него. Слышали про эти страшные дела, но... Все надеялись, что, может, наших минует.

Папа отказался решительно (нрб)?

То, что отказался, это было естественно, мы уезжали ненадолго. Не думали, что так сложится. Дед мой, Иосиф, еще был жив тогда, 90 лет ему было. Вопрос не стоял, просто мы поедem далеко куда-то и что-то... Так, и с этой 58-й армией, это было на юге Украины, дошли до Одессы, до Румынии, перешли потом границу. Это была просто фронтовая полоса. Два раза меня забрасывали за линию фронта.

Расскажите, пожалуйста.

Ну, что же, надо было.

Расскажите, пожалуйста.

Поступили, очевидно, в наш контрразведывательный отдел сведения о надобности, о выслеживании ну, молодой женщины, которая сотрудничала с румынами. И тогда почему-то выбрали меня, еще одного солдата. Нас переодели в гражданское, и через фронтовую полосу пропустили. Там не было далеко, километра 4-5 надо было, наверно, от фронтовой, этой самой... Это к концу войны, это был, наверно, март 1945 года. Весной, я помню, может, это уже был апрель, я не помню. Ну, мы нашли эту. А я, как девушка, тоже должна была сказать, что я бежала от русских, и так далее, войти к ней в доверие. Ну, так мы поговорили, потом мы отошли, я доложила начальству. И вот, второй раз уже ехала я с двумя солдатами ее уже арестовывать. Ну, я ее выманила на улицу, и там ее взяли. Ну, а потом опять через фронт, через линию фронта. Ну, там в то время не стреляли, тогда был такой период затишья. А летом 1945 меня послали в командировку сюда, в Латвию. И я уже решила вернуться.

Это уже после войны?

Да, после победы. Ну, я выполнила задание по Латвии, вернулась в часть и в Москве написала рапорт, что я прошу перевести меня в Прибалтийский военный округ. Меня перевели.

Вы оставались военнообязанной?

Да. Я до 1948 года, потому что в 1946 в начале я уже вернулась в Ригу, мама вернулась из эвакуации с детьми, в Лиепаяу еще, а не в Ригу. А потом муж. Летом мы уже как-то списались. Он нас тоже искал, но как-то не получалось. Он же не знал, в какое место, куда, что... И мы тогда встретились здесь, в Риге осенью. Ну, тогда, когда я вернулась уже совсем, ноябрь, наверно, это был. Холодно уже было. Там стали спрашивать: Лингер, Лингер... Тут есть какой-то Лингер, может, какой-нибудь родственник? Я смотрю: мой Наум. Потом у нас родился еще сын в 1953 году, второй сын. Ну, и мы прожили долгую жизнь, 40 с чем-то лет.

Как называли второго сына?

Мы назвали его еврейским именем Рувин, назвали в честь отца, да. А так он Рома, хотя Рома – это цыган.

Роман, или?..

Роман.

Вы вступали в партию, когда служили в армии?

Нет, не вступила. Очень меня... Ну, как-то, не знаю, как-то я этого избежала.

Вы все время были в этом латышском корпусе?

Нет, нет. Я же вам рассказывала. Потом в Москву, после Сталинграда. Видимо, они не справлялись. Они по личным делам искали людей, кто знает немецкий. И вот, отозвали. Это все было очень просто. Отозвали, дали общежитие. Стала я работать по 12 часов. Ну, это военное время. Еще считалась я невоеннообязанной... Нет, почему? Я же потом демобилизовалась, звание добавили. Я здесь состою в нашем объединении ветеранов войны.

А ваша мама, когда оставалась?..

Мама жила у меня с сестренкой и с моим сыном в Лиепеае.

2 кассета, 1 сторона

Мама не работала?

Она работала в столовых, чтобы покушать. Потом, я ей оставляла денежное довольствие свое, конечно.

А с малышом, кто был?

Ясли, сад, а как же? Ясли, в садик... он уже был большой, в 1945-46, ему было 5 лет.

Во время войны, когда вы были призваны в армию, вы испытывали антисемитизм?

Нет. Ни в коей мере. Все мы были равны. Конечно, еврейские солдаты и офицеры старались не попасть в плен к немцам. Но были случаи, я знаю, я после войны встретила. Он был обрезанный, так он в баню ходил самый последний, знаете, и вот так избежал. Не знаю, жив он еще, или нет. Но тогда, знаете, национальность не имела значения.

Награды у вас были?

Да, есть награды.

Перечислите, пожалуйста. Именно фронтовые.

«За отвагу», потом «За боевые заслуги», ну, и «За Победу». Потому что моя работа считалась такая, в боях-то я не участвовала. Ну, а потом шли всякие награды юбилейные, все это... Это лежит, я умру, и все это выбросят на помойку, некому отдавать. В Израиль не могу послать, это же металл. Не знаю, я как-то говорила с нашим председателем, он говорит: «Ну, принесите...». Без интереса. Ну, без интереса – не надо, мне не важно.

Ваши дедушка и бабушка по матери, в какие годы умерли?

Дед Авром умер в 1925 году от рака, я помню, мама говорила. Простата, очевидно, была, но она не знает. А бабушка моя – в 1937 году. Хорошо помню, бабушка Малка как умерла. Есть еще их могилки в Лиепеае. И если я езжу, то, конечно, всегда на могилки хожу. Я знаю, моя сестра младшая не знает. А я, хоть ночью приду, знаю.

А там еврейское кладбище?

Есть, есть.

Хоронили тогда именно на еврейском кладбище?

Ну, конечно! До войны, и сейчас, после войны. Ну, там сейчас отдельный участок, но только евреи там, потому что это принадлежало еврейской общине. Понимаете, не городу, а общине.

Когда вы уже демобилизовались, и все поселились в Лиепеае, вы говорили, что ваш муж демобилизовался, да?

Он демобилизовался раньше меня. А я еще работала здесь, в округе, ходила на службу.

Вы вместе уже жили здесь?

Да, вместе уже жили. Был уже нормированный рабочий день, уже ночами не работали. Я работала очень много с документами, с переводами. Одно время с военнопленными, которые здесь были. В 1948 году работы уже так это... Демобилизовались, я поговорила с начальником. «Ну, если хочешь...». Я боялась, что меня пошлют куда-нибудь. Я демобилизовалась и стала жить. Я несколько лет не работала, до рождения младшего сына, лет 5, наверно. Муж работал. И как-то жили. Настраивалась новая жизнь. И жили понемножку.

А кем работал ваш муж?

Мой муж работал... Вообще, у него было инженерное образование. Но он работал и директором, и главным инженером...

Он получил образование?

До войны, до войны, конечно. Он, вообще, не был кадровым. Он отслужил, и его призвали на финскую. Он здесь и директором завода работал, ну, такие, хозяйственные работы. Ну, а

потом потерял к концу жизни зрение, он умер у меня слепой в 1982 году. Здесь похоронен на еврейском кладбище. Я ему красивый памятник черный поставила. Он любил все красивое, и в молодости был большой фронт, любил одеваться, он мне еще покупал одежду. Я довольно безразлична была к одежде. У меня кокетства не было.

Вы были красивой женщиной.

Ну, наверно, неплохая была.

Ну, видно же, какая вы сейчас.

Ну, что вы? Сейчас и тени нет того, что было. В советское время, вы знаете, как трудно было что-то добыть. Ну, он работал на заводе. Что-то добывали, одеты были, обуты. Богатства не было, но была такая, размеренная жизнь. Старший сын закончил среднюю школу здесь, в Риге. У меня родственники были в Москве. Они помогли ему устроиться в институте в Москве. Московский институт химического машиностроения, хороший.

А факультет?

Механический. Он теперь в Израиле. Он работает по проблемам окружающей среды в городе Саштут.

А почему он в Москву поехал? Это было как-то связано с антисемитизмом?

Нет, это было потому что здесь в те годы было очень мало высших учебных заведений. И были большие конкурсы. И приезжали мои родственники. А тетя там была парторгом, в этом институте. Она говорит: «Давай, пришли его на 2 месяца на подготовку». Ну, он способный был, только лентяй был. А способный он был, да. И он закончил. Там он женился первым браком, будучи студентом. У меня там тоже внук в Москве есть. И правнучка есть. У меня связи есть с ними, относительно.

Женился ваш сын на еврейке?

Первый раз – нет. А вторая – наполовину еврейка. От этого брака у него тоже есть сын, Дан. Если бы я знала, я бы взяла, у меня столько фотографий есть.

Я у вас все равно их попрошу.

Пожалуйста.

А дома, когда дети были маленькие, на каком языке вы разговаривали?

Только по-русски. Старший немножко помнит общение с бабушкой. И на идиш мы с ним говорили. Конечно, с мамой на идиш.

Мама жила с вами после войны?

Нет, отдельную квартиру ей дали. Рядом, через дом. Мама жила как королева. В смысле ее личности, ее характера. И умерла в одночасье, не обременив никого. Я себе этого очень желаю, но это в руках Всевышнего.

В каком году мама умерла?

Мама умерла в 1973. Тоже, красивый памятник я ей поставила.

Уже в Риге?

Да, конечно.

А когда вы в Ригу переехали?

Ну, я приехала в конце 1945. А мама меня забрала, когда я ей уже квартиру обеспечила, все. Она уехала в 1948, я не помню, я демобилизована была. Ну, когда я имела для нее тоже, куда поселить. А тогда я брала ее к себе. Муж получил квартиру, и я. Яне сказала, что у меня тут муж. В общем, так, у меня все жили отдельно. Пришло время, и для сестры я достала тоже.

А сестра ваша младшая с мамой уехала?

Да, вместе с мамой. Она школьницей еще была.

Какова ее судьба была в дальнейшем?

У нее сложная судьба. Она вышла замуж в 1952 году за еврейского молодого инженера. Он кончил здесь сельхозакадемию, и они уехали в латышскую деревню. Они там прожили несколько лет. Она там очень горевала, им было тяжело, и «Роза, что будет?». Ну, Роза включилась в это дело. Пrawdами-непrawdами ей и жилплощадь, и они переехали.

Переехали, наверно, в 1956-57 году. А потом она встретила на своей работе молодого латыша красивого, порядочный такой был. Ну, и она разошлась с этим мужем, вышла замуж за того. У нее от первого брака дочка, она в Израиле сейчас тоже. И она прожила с ним тоже, в позапрошлом году он умер. Порядочный был, образованный, он был кандидат наук, и глубоко человечный. Мы с ним поддерживали отношения такие, родственные.

Мама не была против?

Ой, была очень против! Но, знаете как? Родители смиряются, что же делать?

Фамилия вашей сестры в замужестве?

Флейшман ее фамилия, как моей мамы девичья фамилия, Флейшман. Но мы не были родственниками с этими Флейшманами.

Это в первом браке?

Да.

А во втором она сохранила эту фамилию?

Да. Она до сих пор Флейшман.

А дети ее?

Дочка Инна, 1953 года рождения.

Где родилась?

В Риге.

Фамилия Инны в замужестве?

Она тоже была за латышом. Где моя память? Стыд и позор! Как же я забыла? Если я вспомню...

Неважно, ничего страшного. А во втором браке детей не было?

Нет.

А кем работала ваша сестра?

Экономистом, она кончила заочно, знаете, в те годы она работала и кончила на экономиста. У нее здесь много друзей, среди латышей большинство. А теперь она переехала. В 1996 умер мой зять, и наша Инна осталась с двумя девочками. Она пожелала в Израиль. Поехала. Материально очень тяжело живут, но живут, обратного пути нет.

Дома вы после войны, ну, когда уже жили своей семьей, с мужем и сыновьями, еврейских традиций не придерживались?

Соблюдала, но минимально. То есть, в каком смысле? Я, лично.

И до сих пор, никогда не ела мясное с молочным. Свечи я зажигала только на праздники, потому что свечей не было так много. Ходили в синагогу все время, да. По праздникам особенно. И мама имела место, и платили мы за это место. Мама умерла, я оставила за собой это место и платила. Ходить в синагогу мы не прекращали. У меня даже есть документ, что я член общины Рижской с 1946 года. Поддерживали мы синагогу по мере возможности. Муж не возражал никогда. Он же сам вырос... Так он материально, сколько мог, по характеру он был щедр.

Но сам он не мог официально засвечиваться?

Нет, конечно. Это я знаю.

Я подумала, может, в Латвии это было как-то мягче?

Нет, нет. Все равно, было очень строго. И никто не хотел рисковать, знаете, зря. Прожили это время. Мы ходили на еврейские концерты, на все с мужем.

А были?

А как же! Эппельбум был, Анну Гузик видели, какие еще артисты были еврейские... Еврейский театр из Москвы приезжал. Мы эти мероприятия не пропускали никогда. Он был любителем театра. И театра Утесова... И мы ходили, да. Мы ходили. Он любил это. Молодые были.

А ваши сыновья росли, они знали какие-то еврейские традиции, им рассказывали историю?

Ну, то, что они... О религии – нет. В синагогу их не брали.

Ну, а дома им как-то рассказывали?

Нет, рассказов, как таковых, не было. Ну, они знали, что праздник, что фаршированная рыба, что Рош-Ашана, или Песах, всегда покупали мацу, всегда!

А продавалась она все время?

Да. Можно было, и в советские времена. Надо было муку сдавать, а потом получить мацу. Моя мама сдавала в 5 часов и занимала очередь. Ходила в синагогу всегда. Это не было так, чтобы не знали еврейских праздников. Моя мама не ела мяса, только покупала кур, ходила к резнику. Кто хотел, – для того было.

В советские годы их просто ликвидировали?

Может быть, подпольно можно было, я не знаю, я тогда не вникала. Я тогда этого не придерживалась. А мама – да, конечно. Свинину никогда не покупала, у меня в доме не было. Ну, а муж, может, где-то ел, не знаю. А дома – нет. Я и тогда не ела, и до сих пор не ел.

А когда в Союзе начались процессы «космополитов», в 1948 году?

Знали, знали.

А в Латвии это было?

Знаете, я не хочу сказать ни да, ни нет, потому что я была довольно далека. Может, это вам Хана Райзберг больше об этом расскажет. Я не могу ничего сказать.

Меня интересует, это как-то затронуло вас лично, вашу семью?

Лично нет, лично меня – нет. Слышали, в 1948 году. Вот процессы врачей в 1953, тут мы уже думали, что нас вывезут отсюда. Рассказывали, что уже вагоны были пригнаны для отселения. Если бы Сталин не умер, может, что-то было бы. Я помню, был большой праздник, когда Сталин умер.

Правда?

Да, водку пили. Надеялись на что-то лучшее. Тирании такой не будет, знаете. Может, со временем, со временем все это. Помню, Берия когда... О, Берия самый лучший товарищ. Ну, Сталин же не смотрел, товарищ, брат...

Скажите, для вас Сталин был ничем, вы могли видеть его как-то объективно. Вы не были ослеплены?

Нет, не ослеплены.

Ваш муж, я знаю по моим родителям, которые родились и выросли уже в годы советской власти, какое-то время, детство, юность, во всяком случае, молодость, для них Сталин был богом, отцом, чем хотите. Для вас этого, естественно, не было?

Нет, мы слишком мало прожили при советской власти.

А ваш муж? Он же...

Тоже, он наверно, критически к этому... Я даже не знаю, честно вам скажу. Но чтобы такое восхваление? Нет! Ну, как жизненная необходимость, знаете... Он не восхвалял, нейтрально себя вел, поскольку он был членом партии, конечно. Ну, так, не горячий хасид, не горячий.

А вот, после войны появилось же много приезжих, «восточников» из Советского Союза?

Да.

Вы как-то с ними контактировали? Я имею в виду не только вас лично, но и коренное население Латвии?

Вы знаете, теперь вообще нечего говорить. Потому что после войны мы, местные евреи, были в меньшинстве. Тут были польские евреи, румынские евреи, российские евреи, всякие... Они понаехали, военные остались. И мы как-то... Но теперь уже нечего говорить, более 50 лет прошло. Теперь мы вообще считанные, считанные... Я хочу сказать, что мы, евреи, жившие в России столько тысяч лет, мы все разные. На иврите это «эйдар», это община, да? Бухарские, такие-сякие, и они же враждуют и в Израиле тоже. Ну, разные, менталитет у нас разный. У нас более западный, у них другой. Украинские евреи, белорусские... Мы ближе к белорусским евреям, именно к белорусским. Потому что Даугавпилс и весь этот край был Витебской областью. Поэтому они ближе все-таки. А

украинских можно понять. И неправда, что их понять нельзя. Ну, есть отдельные слова. Ну, например, «баня». На украинском идиш это «буд», а у нас «буд» – магазин. Не надо утрировать.

Нет, я имею в виду не евреев приезжих, а именно советских граждан, которые приехали в Латвию.

Очень много.

У вас с ними были какие-то контакты?

Ну, работа.

Это вынужденное. А такие, чтобы с ними отношения хотелось поддерживать?

Почти нет, не помню, нет. Вы знаете, из моих коллег, с которыми я 40 лет, я ни с кем не имею близких связей. И вообще у меня связи с 1990 года, а так, нет. Не знаю.

Вы говорите, вы отпраздновали смерть Сталина как праздник, водку пили, а советские, как я понимаю, слезы лили и причитали: «Как нам дальше жить?»?

Ну, были такие, конечно. Были разные. Были и такие, были и такие. Общество же не однослойно.

А потом, когда уже был 20-й съезд партии, речь Хрущева, вот, что-то это поменяло в жизни в Латвии, как-то свободнее стало, легче?

Ну, какое-то время было, а потом опять прикрутили. В брежневское время тоже прикрутили. Но тогда же не было репрессий таких. Как-то прожили. Латыши, они, в основном, настроены против России. Не в основном, большая часть. А когда я с коллегами бывшими разговариваю, они все-таки советское время вспоминают с теплотой. Потому что тогда не было, допустим, вопроса о квартирах. А я живу в доме, который отдали хозяину. Я живу в хозяйском доме. Вообще, вам бы было интересно прийти и посмотреть двор и все это. Но еще не в самых худших условиях. Живут люди хуже меня. Ну, живут и лучше, конечно. Но я не жалуясь, сколько мне суждено.

А после войны, когда и «дело врачей», появился антисемитизм? Усилился, если он был?

Да. Особенно в отношении врачей. У меня был троюродный брат, врач, здесь. Ведущий хирург. Он был военный хирург тоже и здесь. И он был и преподаватель, и действующий хирург. Учился он до войны в Италии и, конечно, хороший специалист был. И его тогда отстранили от одной работы, помню. По-моему, от преподавания в институте. Он умер в 1979 году, а семья в Америку уехала. Поддерживаем еще телефонную связь.

А на вас, на вашей семье это как-то сказалося? Вы чувствовали, что вы еврейка? Когда нужно было опасаться этого, когда это было просто опасно быть еврейкой?

Нет, в моей семье не было. Я никогда не отрицала, ничего не переделывала. Единственное, когда Ромик родился, как его записать? Мама хотела Рувин, я была против, а муж сказал: «Ты знаешь, ему будет тяжело с этим именем». Ну, так записали. Он все равно сделал брит-мила, будучи взрослым, здесь, в Риге без моего согласия, совета со мной. Это у него у самого появилось. Я чувствую, что он какой-то... Я говорю: «Ромик, что с тобой?». Какое-то воскресенье было, меня не было дома. Ну, в общем, вот так.

Про вашего сына вы ничего не рассказали.

Это про младшего.

Я понимаю. А где он учился?

Он учился здесь, в Риге.

Где?

В средней школе. И он пошел работать. Высшее образование он не получил. Он кончил техникум, и он работал часовым мастером. И в 1993 году он решил без согласования со мной, что он едет в Израиль. Латыши ему чем-то не понравились. И он в конце декабря 1993 года уехал в Израиль. Ну, он живет тяжело, работает на разных работах. Но он там встретил свою вторую половину. И вот, они 11-й год живут вместе. Я была два раза в Израиле, я видела, как у них все это. Ну, видела, что она о нем заботится, что она любит готовить.

Значит, мой сын будет поевший. Они живут все годы на одной и той же квартире. И я этим довольна.

Они живут там же, где старший ваш сын?

Нет. Он живет в Бней-Браке. Причем не на той стороне, где ортодоксы, а через шоссеиную дорогу. Ну, она из Одессы сама, года на 3-5 старше. Приятная женщина. У нас нормальные отношения. Главное, чтобы ему было хорошо.

Ну, когда с невесткой хорошие отношения, вам тоже приятно, что она не будет настраивать сына, против вас.

А я обеим невесткам даже больше тепла отдаю, чем сыновьям. Если им будет тепло, то и сыновьям...

Вы совершенно правы.

У меня были золотые вещи всякие. Все уже понемножку отослала младшей невестке, все. Вот, осталось, ну, это тоже пошлю. Мне не нужно. Я ничего не ношу. А если что, есть что-то такое надеть. Мне не надо, а она еще молодая, она еще будет надевать, она надевает, пусть, на здоровье.

Как ее зовут?

Лиля.

А девичью фамилию вы не знаете?

Не знаю. У них там свадьбы никакой не было. Билевич ее фамилия, Билевич. Тоже, белорусская фамилия. У нее корни из Белоруссии. Ну, свинину она не покупает, свечи она зажигает, а дальше я не знаю. Она же продукт советский, дома не видела ничего.

Конечно. А детей у них нет?

Нет. Она, между прочим, мне сказала, когда я приезжала: «Роза Романовна, если вы хотите от Ромы внуков, то не будет». Я говорю: «Лиля, мне главное, чтобы мой сын был счастлив».

А от старшего сына, сколько у вас внуков?

От первого брака у него один сын.

Дан, - это от второго?

От второго.

А от первого?

От первого Алексей, Алеша. Ему уже 40 исполнится.

Где-то он 1965, да?

Да. 1964 или 65-го, я не помню. У него уже дочка 12 лет, правнучка. Ну, нормальные отношения. У меня был день рождения, они прислали открыточку, нормальные отношения.

В Израиле он женился?

Это младший, второй раз. Он женился в позапрошлом году, собирается стать папашей. Я на свадьбу не поехала. Служит в сахале, как будто чин такой есть бандерский. Он способный мальчик. Он в жизни пробьется.

Какого года он?

Даник? 1974-го. В прошлом году 30 лет ему было. Он родился, между прочим, здесь, в Риге.

А когда начались отъезды в 70-х годах, у вас не было такого желания?

Было какое-то стремление одно время уезжать. Особенно у меня. Но как-то что-то не сложилось, я так думаю. Мама моя еще жива была. Она сказала, что у нее есть деньги, она нас не затронет. Но так, не получилось.

Ну, к отъезжающим вы относились спокойно?

Да, с сочувствием, конечно. Если бы мой муж очень бы стремился, но он был членом партии, может быть, побоялся. Как-то боялись за старшего сына, чтобы ему в Москве не повредило. Он учился и работал, и женился, и жил. Это было то, что нас держало, чтобы наш отъезд ему не повредил. Поэтому так получилось. Он уехал, а я осталась здесь. Ладно, это так тому быть. У меня есть место на кладбище. Хана меня похоронит. У нее есть специальный человек...

А когда в 1948 году было образовано государство Израиль, для вас это имело значение?

Какой праздник был! Опять водку пили! Но тайно, тайно, чтобы соседи не знали. Было, было... Тогда тетя Зина, папина сестра, она же была во всех лагерях этих страшных с детьми, и она тогда уехала из Германии с Абрашей уехала в Израиль. Мы переписывались с ней до того, как она умерла.

Могли переписываться?

Да. Мы не писали про политику.

Ну, боялись писать, чтобы обратный адрес на конверте не светился.

Ну, не знаю, светился, не светился. Никаких политических тем, только, что семьи касается. Письма все приходили, уходили.

Муж ваш занимал в те годы пост...

Я писала на мамин обратный адрес.

А когда были войны в Израиле, Шестидневная, Судного дня?

Сочувствовали очень.

Какая-то информация была?

Би-би-си было тогда. Конечно, мы с мужем слушали под одеялом ночью. Дети спали, а мы накрывались и он настраивал приемник. И другие слушали, он с работы приносил. Тоже были люди, которые слушали, были в курсе дела. Может, не подробно, но этот тому рассказывал, этот тому рассказывал. Так что была какая-то информация. Мы в 1967 году очень переживали, Йом-Кипур когда был, мы очень переживали. Хотя родных у меня там не было никого, но Абраша был, тетя Зина была, но все равно переживали, конечно.

То есть, было чувство своей страны?

Трудно сказать... Исторически, может быть, да. Ну, я же учила еврейскую историю, я знала. Но столько информации, сколько у меня сейчас, у меня не было. Какая-то осведомленность была. Кто хотел, тот знал.

Были такие, кто забывали?

Были, конечно. Так, как мы с вами говорим, нельзя было говорить.

Конечно.

Ну, немножко свободнее стало, когда эти латыши за самостоятельность, это все более открытое, более свободное. Вот так.

А при Перестройке, это почувствовалось как-то, хотя бы вначале?

В советское время? Ну так, чувствовалось что-то такое. Лично моей семьи это не касалось.

Ну, свобода слова...

У меня была землячка, мы жили в одном доме. У них сын уехал раньше. И они уехали в Германию в 1985 году, наверно. Потом очень долго мы не переписывались, очень долго не было писем. Я послала к Рош-Ашана письмо и открытку. Я получила ответ от ее мужа, от Миши, что Соня умерла. Он мне писал, что говорят, что люди могут сюда приехать. 1988 год, еще советское было все кругом. Так я ему ответила: «Миша, ты, наверное, мечтатель, как Ленин». А потом я услышала, что, действительно, люди едут. Потом он мне прислал все документы. Я осенью 1988 года, в Перестройку еще, поехала в Западный Берлин. Оформила заграничный паспорт, все чин чинком. И на 2 месяца надо было ехать. Мне показывали Западный Берлин, но выезжать из Западного Берлина я не имела права. А у меня же в Антверпене двоюродный брат жил, и он очень меня звал, чтобы я приехала. Я как-то дала ему знать, но советский консул ни за что меня не выпускал. Я говорю: «Вы не бойтесь, я там не останусь. У меня дети здесь остались, сын» - «Нет, пусть он к вам приедет». Он-таки приехал ко мне, я его увидела один раз только. Так что Перестройка, это было что-то, для нас уже тоже. Если бы не было Горбачева, в 1988 году в Западный Берлин меня никак бы не пустили.

Наверняка. Если бы его не было, то до сих пор был бы Союз.

Я считаю, что он очень много сделал для Союза, для развала Союза, для разрыва цепи, которая его окружала, для людей. Что случилось, то случилось.

А как вы считаете, что Союз распался, это хорошо? Вообще, трудно было представить, да?

Трудно, даже никто не думал об этом. Потом, я уже старая, у меня свои рассуждения. Как случилось, - так случилось. На все воля Бога. Многие люди раскрепостились за это время, многим людям стало гораздо хуже, моего сословия. Потому что достаточно средств на Украине то же?

Да.

То же самое. Даже нечего об этом говорить. Ну, спасибо, хоть немножко поддерживают. Я не знаю, мне хорошо, как есть.

А вообще, какие-то плюсы есть, что наши страны стали независимыми, как вам кажется?

Я считаю самым отрицательным то, что я попала в дом, где нашелся хозяин, и статус мой нанимателя, хозяин может, конечно, выразить свою волю, насчет оплаты, допустим. С Нового года, мне сказали, он может взять, сколько хочет. Он мне прислал такой счет, который превышает мою пенсию. Я на один лат взяла такси, это было зимой, я была очень плоха, я поехала к нему. Он латыш. Я попросила его, пусть он меня научит, если у меня 73 лата пенсии, а за квартиру он у меня просит 100 лат. Как это можно сделать? Не говоря уже о свете, телефоне, еде, о лекарствах... Я ему принесла все свои документы. Он очень долго думал, и мне сказал: «Платите, сколько можете». Раньше я могла укладываться в рамках закона, а 100 лат я, конечно, не могу. Так я ему плачу, сколько могу. Неудобства, конечно, очень загазованно, очень, но что делать? Живем 25 лет, я живу там. Надо уже жить, как живется. Положительно то, что недалеко от меня парк небольшой. Так я выхожу туда на 2-3 часа, посижу. Ну, и сюда прихожу. Я могла бы сюда и чаще приходиться, но не каждый день я себя чувствую в форме. Я вам скажу, вчера, например, мне было очень плохо. Но сегодня, слава Богу.

Вы говорили, что вы дважды были в Израиле?

Да.

Ваши впечатления о стране?

В первый раз я поехала в 1995 году. Это было через полтора года после отъезда моего сына. Я хотела увидеть своими глазами, как он вообще устроен, потому что он не очень такой, самостоятельный, знаете? Так уже сложилось. Я пожила там. Я увидела, что более-менее удовлетворительно. Ну, что делать? Обратно уже некуда. А я не еду в Израиль, очень многие задают мне этот вопрос, и вы задали.

2 кассета, 2 сторона

Мы остановились на том, почему вы не поехали?

В основном, из-за климата, первое. Второе: я буду независимая, я уложусь во все это. Дети мои загружены. Я не хочу им быть нагрузкой, чтобы они не должны были думать обо мне.

Ну, разве мама бывает нагрузкой?

Ну, не знаю, они так закручены своей жизнью. Старший сын давно уехал уже, отвык несколько. Я буду сидеть, сидеть с этим (нрб), я сорвусь и позвоню. Но не вовремя, что-нибудь такое. Он устал, или что-то, и я буду каяться, почему я его беспокою? Одного и другого. И поэтому я решила все-таки остаток своих дней прожить здесь. Потому что то жарко, то холодно, я здесь как-то могу, а там же нет. Там среда неизвестная, язык иврит я не знаю. И я нелегко схожусь с людьми, не очень легко. Поэтому я так решила, так оно и будет.

А как вам вообще страна понравилась?

Ну, страна очень красивая! Первый раз очень много ездила, а во второй раз я поехала к 50-летию своего сына младшего. Ну я была месяц только. Жила в Тель-Авиве у сестры. Видела

ее жизнь нелегкую. Ну, страна красочная! В первый раз я с многими экскурсиями ездила, все смотрела. Только в Эйлате я не была, жарко, наверно, было. Удрала я в июне месяце. Такая жара! И тогда я еще была человеком. А теперь, после инфаркта, после всего этого... Все, мне уже Израиля не видать. Ладно, я спокойна в тот день, когда я более-менее чувствую себя, подарил мне Бог этот день, спасибо ему вечером скажу.

Когда была создана община в Риге?

О, в самом начале я в этом. Я уехала в 1988 году. Здесь уже начало что-то шевелиться. Ой, у меня находка! Это я. Вот, какая я была полная. Я даже не знала, что она в этом конверте лежит. В 1988 году в Берлине было много рижан. И был клуб такой. Миша меня повел туда. Я рассказала, что что-то у нас намечается. И перед отъездом мне принесли конверт с деньгами, что они между собой... Чтобы я привезла в общину. Я заклеила скотчем. Там был скотч, у нас еще не было. Тогда Ракеня была у нас председатель, уже здесь мы были. Я сказала: «Это от рижан Берлина». Что она с ними делала и как, я не интересовалась. Ну, а активной я была в самом начале. У нас есть такой клуб «А идише маме», я там тоже. Ну, я теперь не активная уже. Но была, была активная, да. Два года тому назад, когда я перенесла этот несчастный случай, поломала ребра, вот я стала... Ну, что делать-то? Под троллейбусом... Так случилось.

А община помогает, как вы считаете?

Помогать нужно, конечно. Тут у нас, к сожалению, несколько общин. И религиозная, и вот эта наша, светская. Религиозная имеет (нрб) и синагогу. Ой, чтоб наши евреи были только здоровы! И каждый по-своему помогает. Я у (нрб) первые годы, пару лет, до этого несчастного случая, я ходила на занятия, организовала им столовую, которая до сих пор, между прочим, существует. Я была во всех еврейских организациях, я по мере возможности была, причем без всякой платы первые годы. Теперь же без денег шага никто не сделает. А тогда даже в голову не приходило, знаете. Если я иду к больному человеку в больницу, и мне дают столько-то денег на передачу, так чтобы я для себя за это просила за свой труд? Теперь к тебе никто не придет. Ну, есть у меня приятельницы такие, которые... А так, все это новые знакомые. Ну, и с латышками, бывшими коллегами у меня еще есть теплые, теплейшие отношения, теплейшие. Одна живет в хорошем районе, она мне: «Роза, приезжай!». Мы с ней погуляем, я у нее пообедаю, побеседуем, кофе попьем. Прямое сообщение, главное, с ней. Приходила женщина, помыла окна, и все, лежали эти занавески у меня дома. Отдать чистить, денег стоит. Я как-то высказала. Она говорит: «У меня есть автоматическая машина». Выстирала, выгладила и позавчера принесла мне. У нее маленькая квартирка, надо эту машину, швейную, а это лежало наверху. Мы тоже сели с ней, в пятницу это было, я пошла что-то... Она тоже, что-то принесла. И дочка у нее замечательная, учительница. Латыши. Еще одна есть. Так складывается жизнь.

Среди ваших друзей, семейных друзей...

Семейных?

Да. Были люди разных национальностей? Для вас не имело значения?

Для меня не имело. Но близких связей не было. Но сейчас, когда очень многие уехали, как-то остались эти несколько коллег, и вот мы с ними как-то поддерживаем связь.

То есть для вас не было важно, что еврей не еврей, для мужа вашего?

Нет, ни для меня, ни... У нас главное – люди с их, так сказать...

Вы говорили, вы в хоре принимали участие. Хор был организован давно?

С этим хором, тоже... Я вам рассказывала, кто знал мелодию, кто знал слова, и потом, спрашивали у кого-то, кто что знает, так мы стыковались, знаете? Состыковывали этот хор. Сначала у нас была не очень активная дирижерша. Она уехала в Израиль. А потом Мирон пришел. Он, конечно, очень преобразовал хор. И вот, он такой, какой есть. А из первых... конечно, есть некоторые... Искал тогда людей, которые умеют на идиш, потому что он задумывался, как специальный, на идиш. Ну, мы большинство и поем на идиш. А Мирон сам

с Украины. Я его учила немножко идиш читать и писать. Отношения у нас товарищеские. Я его очень уважаю. Сажу рядом с его женой.

Кроме хора вы в каких-то делах общины участвуете?

Ну, в делах я только пассивный член сейчас. Я еще в клубных заседаниях «А идише маме» раз в две недели. Это основал наш покойный раввин. Поскольку я ходила в синагогу, может, я знаю еще женщин. Ну, я там поговорила. А первый начальник, этот, наверно, с 1991, нет, больше уже чем 10 лет... Одна еще, Женя, есть. Я говорю: «Женя, ты знаешь, кто?..». Ну, и мы чем там занимаемся? Конечно, неудачный руководитель у нас. Она инженер, а про еврейство она вообще ничего не знает. И очень высокого мнения о себе. Ну, приходим просто, чтобы общаться друг с другом. И читаем недельную главу по-русски. Одна у нас чтец. Ну, она недавно у нас, может, два года. Ну, там чай пьем, дни рождения отмечаем. Ну, так, чтобы пообщаться. Это, главное, недалеко от моего дома, меня устраивает. Ну, а больше я уже никуда. Раньше я с хором ездила туда-сюда. Ну а последние два года... Ну, вот, они записали меня на четверг ехать в Резекне. Ну, я такой, слабый кандидат. Я записана к врачу, главное, на четверг, уже две недели тому назад. И обслуживание стало гораздо хуже, гораздо хуже. Особенно с апреля месяца.

Оно платное, бесплатное?

Ну, страховки такие. Ну, Хана дает бесплатные страховки. Но я получила от собеса, от Красного креста, в общем, бесплатно в этом году. Но я не могу жить, мне иной раз «Скорую» надо вызывать, а это теперь такие деньги! Где я возьму? Но если обоснованно, то да, они деньги не берут. Вот, было сейчас, пришла, такое давление, она же видела, при ней рвоты у меня были, безоговорочно забрали. Она второй раз, первый раз я отказалась идти, ну что, не преодолею? Преодолею. Вот так.

Вы после войны советские праздники дома отмечали?

Ну, хотели собираться и собирались. Ну, был круг знакомых, конечно. На дни рождения собирались. Клубов таких не было. Потом, на 1 мая, на 7 ноября... Ну, на Новый год, конечно, дома все были всегда.

Эти советские праздники для вас были праздниками, или просто выходными?

Ну, я не скажу, ну, они были выходные, свободные. На демонстрации ходили. Я мало ходила, муж всегда ходил. Я могла и сбежать. Дома всегда было что делать. Не было дом работниц тогда, хватало.

Да, и двое детей.

И не было этих магазинов с готовыми продуктами, стояли в очередях, а как же? Варили холодец, и так далее, и так далее...

А кем вы работали после увольнения, кем и где?

Я работала в системе бытового обслуживания. Начинала я с приемщицы в химчистке. А потом уже, мне тогда предлагали в партию вступить, но я не спешила, нет.

А почему?

Ну, это больше обязывало, партийная дисциплина и все. Зачем это мне надо? Я довольно успешно работала на любом участке. И я на фабрике первая вышла на 120 рублей пенсии. А потом 132 получала.

У вас стаж был огромный?

Да, огромный он не был к тому времени, был минимальный, немножко больше. Но у меня заработок был хороший. Я организатор был. Меня тогда директор вызвал. Он мне дал совершенно новое поле деятельности. Я помню, как сейчас, я спрашиваю: «С чего начать?». Он мне: «С телефонной книги». Это я помню хорошо. Ну, я поставила, организовала... Ну, эти способности у меня были. А когда мне надо было идти на пенсию, я просила: «Забирайте у меня, объем у меня такой, у меня работает 12 человек. Оставьте мне две с половиной единицы. Так я буду вырабатывать на порядочную пенсию. А такой колхоз!». Ну, директор пошел мне навстречу в этом. Ну, я брала так человек, чтобы помог мне, ведь нельзя же, то,

что один человек, если два с половиной человека. Выработку проверяли, смотрели, все сходится. Это я не знаю, от кого, или природные данные, или что? Или отчий дом, я видела родителей, которые всегда работали. Папа вставал в 5, в полшестого, мама тоже. Он утром молился, кушал, а мама там... Ну, когда была работница, было время, что не было. Давала всем завтраки. В 7 часов мама уже магазин открывала утром, да, а как же? Хозяйки уже приходили, или служащие, не знаю.

Сама мама работала?

Был помощник, конечно. Ну, продавать, у нее была очень хорошая клиентура. И в советские времена она пенсию не получала. Что вы! Она не получала пенсию. Она и детей нянчила, и вот, из школы заберет. И она фаршированную рыбу по заказу делала. Мама такие, тейгелак, это такие, в меду варятся, такие, специфичные, я тоже умела. В меду варятся, очень вкусные.

Это, как хворост?

Нет, нет... У нее была своя клиентура. Она подрабатывала. Да, моя мама очень деловая была. Ориентироваться, переориентироваться...

Он же уже немолодая была?

Да, немолодая. Ей было 60 и больше.

И в годы войны, наверно...

Да, у нее же пенсии никогда... У нее же свое дело было. Так ей пенсию не платили.

Я думала, что хоть какую-то, минимальную?

Никакой тогда не было. Стажа нет, – ничего не получаешь в советское время. Она в советское время умерла, еще в 1973.

Она же, сколько лет прожила при этой власти, советской...

82 года ей было.

И вот так она крутилась?

Да, крутилась. А под конец, тоже уже за 80 ей было, мы ей не разрешали, так она вязала. Вязала носки, тогда же ничего такого не было. Были у нее, наверно, женщины, приходили, брали, продавали, барыш оставался. Это, коммерческое, это у нее было. Старший сын говорит, что у меня тоже есть такое начало. Но я к коммерции – нет. Но, вообще, в жизни ориентируюсь.

У вас организаторская такая... Организовать, сделать...

Это – да. Пусть теперь другие, помоложе делают. Ну, а теперь я вообще, только посильный Член всех коллективов. Раньше, знаете, здесь община очень разнообразная, Хана, допустим, ведет социальный сектор, а тут же есть еще и художественный и так далее... Раньше, пару лет тому назад, был еще соученик, с которым мы вместе учились, и он такой активный был. И умер в одночасье, инфаркт. Господи, я всегда думала, что он меня похоронит. Мы просто в гимназии вместе учились. И товарищеские отношения поддерживали. «Роза, сегодня будет такая передача. Не забудь включить телевизор». Или просто: «Будет концерт здесь, приходи»... Я немножко английский знаю. Она мне рассказывает. Она знала, в каком городе и все. А там очень мало евреев жило. Я думаю: «Боже мой, я тоже оттуда никого не знаю». Вот, я пришла сюда, 10 лет, по-моему, как она умерла, фотографии у меня есть. Я говорю: «Вы знаете из Мадана кого-нибудь?». По-моему, это Хана вот эта, у которой вы будете с утра до вечера. Я ей говорю: «Хана, вы не знаете кого-нибудь из Мадана?». Она говорит: «нрб». А он ветеран войны. Но ему было лет 90 тогда. Я его разыскала, позвонила и мы поехали туда, на такси, конечно, с этой семьей. Причем он рассказывал мне анекдоты на идиш, а я должна была им на английский переводить. В общем, доехали мы. Он умер. Я приняла участие. Они прислали деньги, я памятник поставила от их имени. Они приезжали, осенью опять приедут. Она мне прислала книгу, или часть книги. Но поскольку мой английский не... Теперь они мне не дают покоя, чтобы я то, что вам рассказываю, я им... Да, давно, уже года 3-4, «вы уже начали говорить?». Я говорю: «Нет». Ну, что-то у меня не получилось так, как в беседе. И он мне сказал: «Найми и заговаривай».

Вы это и сделали прекрасно. Это будет очень интересно.

А вообще, на Германию я вышла, тоже, одна журналистка, здесь я ее встретила. Она тоже взяла у меня интервью, пустила в Гамбурге на радио. Я получила 40 писем!

А, вы же по-немецки давали.

Да. Я думаю, зачем мне вся Германия? Давай, возьму север Германии, это ближе к нам. И у меня выкристаллизовались за эти годы отношения с двумя семьями. Немцы, но там очень, две двоюродные сестры, я гостила у них, они у меня. И теперь, и звонят, и пишут. В эту пятницу я вынула из почтового ящика, такое письмо, ну, не письмо, конверт, твердое. Поздравили, ну, что тут может быть? Оказывается, они собрались компанией и просто все подписались, прислали хорошие пожелания. Ну, так сладко, так приятно! Он нарколог и еще пастор, но он не проповедует. Просто пришел к выводу в свое время, что надо и Божьим словом. И недавно приехал один из его клиентов бывший. Он меня нашел, ну он дал ему мой адрес, телефон, все... Так что какие-то просветы в моей жизни есть. Чтобы только в Израиле было, очень молю Всевышнего, чтобы он... Вся наша история такая. Рассеяние, чужие страны, но как народ мы сохранились. Уникальный, вообще в истории нет подобных.

Даже внешние признаки сохранились.

И внешние, и наша вера, и наши обычаи, язык и обычаи. А возникновение Израиля после такого Холокоста? А читаю я только газеты, причем одну газету получаю из Германии на русском языке. Это мне мои немецкие друзья выписывают, толстая газета, и «Идише Форвартс» из Нью-Йорка, каждую неделю. Все, другого, мне класса не хватает, мне достаточно информации там. А книги, романы, начиталась я в свое время. В советское время уже такая, подпольная литература была. Вот, придут на работу, принесут на одну ночь. Сегодня, а утром надо сдать. Я, бывало, все сделаю, они спят, а я сижу и читаю. Это у меня еще с молодых лет. Там, еще дома, я открывала книгу, и я купила маленькую лампочку, и вот только эту страницу она...

Такая, которая цепляется на окне?

Да. А у папы с мамой спальня была через столовую. Ну, отец там немножечко вставал, и он видел у меня свет. Я слышу: папа идет! Я раз! И все. Может, это у меня от образованной бабушки, не знаю.

Теперь фотографии.

Лиепая, и кому-то, «моей подруге», не знаю, кто там жил, я даже не знаю. Это уже школьная. Когда это может быть? Это моя сестра, Инда, погибшая. И тут двоюродные сестры еще.

Это рядом с учительницей, справа от нее?

Да. Пометьте себе.

Красивые какие...

Это очень красивая была, очень! У меня портрет есть.

Мне кажется, вы на нее очень похожи.

Нет, она в папину семью.

А вот на этой?

Нет, смотрите, у меня широкий нос, а у нее...

Ну, все равно, обе прелестные. Это тридцать...

По времени я не знаю.

Здесь ей лет 12-13?

Нет, лет 10-11. Значит 24-го, значит 1934 год, примерно, так. Или 1933-й.

А ваших родителей здесь что-нибудь есть?

Нет.

Нету?

Есть вообще у меня, но я не знала, что вам это нужно.

Так, если можно, тогда...

Передам. А вы мне позвоните.

Чтобы вам не таскать их.

Да. Тут я нашла, одну я только взяла. Это группа молодежи моей компании до войны. Это, должно быть, 1938 год. Вот, я.

Сидите.

Да. Это мы где-то за городом были, вы же видите?

Да.

Это была наша компания. Ребята все погибли. Это Буштем, фамилия, это Шаум был, а это Макс. А это моя подруга, она живет в Израиле сейчас. Вот это я. Я не знаю, если вам интересно, это, должно быть, 1937-38 год.

Я же говорила, что вы были красавицей.

А эта фотография... У мамы была двоюродная сестра. Вот она, по-моему. У них была обувная фабрика в Лиенае. Это была дедушкина племянница. И это было 25 лет их свадьбы. И вот, все рабочие, обувная фабрика это. Ну, 25 лет, я не знаю, это было в 1928-29 году, приблизительно. Что-то тут у меня написано. Нет, Бирута. Ой, мне надо это записать. Но, по-моему, я переписала этот телефон, тогда. Это ненужное вообще.

Точно?

Да, я переписала. Это можете даже...

Потому что я же все равно их не буду сканировать, просто сразу возьму остальные, чтобы...

Что надо еще. А вот, если вам интересно, это, наверно, 1947 год. Тут я еще с одной звездочкой, потом мне две звездочки дали...

(нрб), я сразу запишу, и будет уже законченная работа. Это только нужно один раз записать. Когда начинаешь записывать, оно стирает предыдущее.

Ясно, я понимаю, да. Ну, вот это вам нужно?

Конечно.

Это 1947 год, наверно, я так думаю.

Это послевоенные уже?

Да, да. Но я еще служила. Вы видите, я с этими.

Вы же только в 1948 демобилизовались.

Где-то у меня конвертик был. Да, но я не знала, что надо писать.

Я понимаю, конечно. Обязательно спросите, есть ли довоенные фотографии.

Звонила Циля утром сегодня. Я посмотрю, может, что-то есть довоенное. Это я вам в собственность.

Ой, ну что вы!

Мне это не нужно.

Давайте, я запишу ваш телефон, скажите, когда вам удобно...

В любое время. Если меня нет, так еще раз позвоните. Так, 7, 2, 77925. У меня теперь гостит сестра из Израиля, так что она может быть у телефона. Но она не постоянно у меня. Подруги тут есть, знакомые.

Я вас надолго не...

Бога ради! Она меня тоже, относительно... 24 дня она была где-то. Сегодня утром позвонила, она придет. Но я ей сказала, что я уйду. Я даже не знаю... Так, это в основном. И если я вам еще понадобится...